

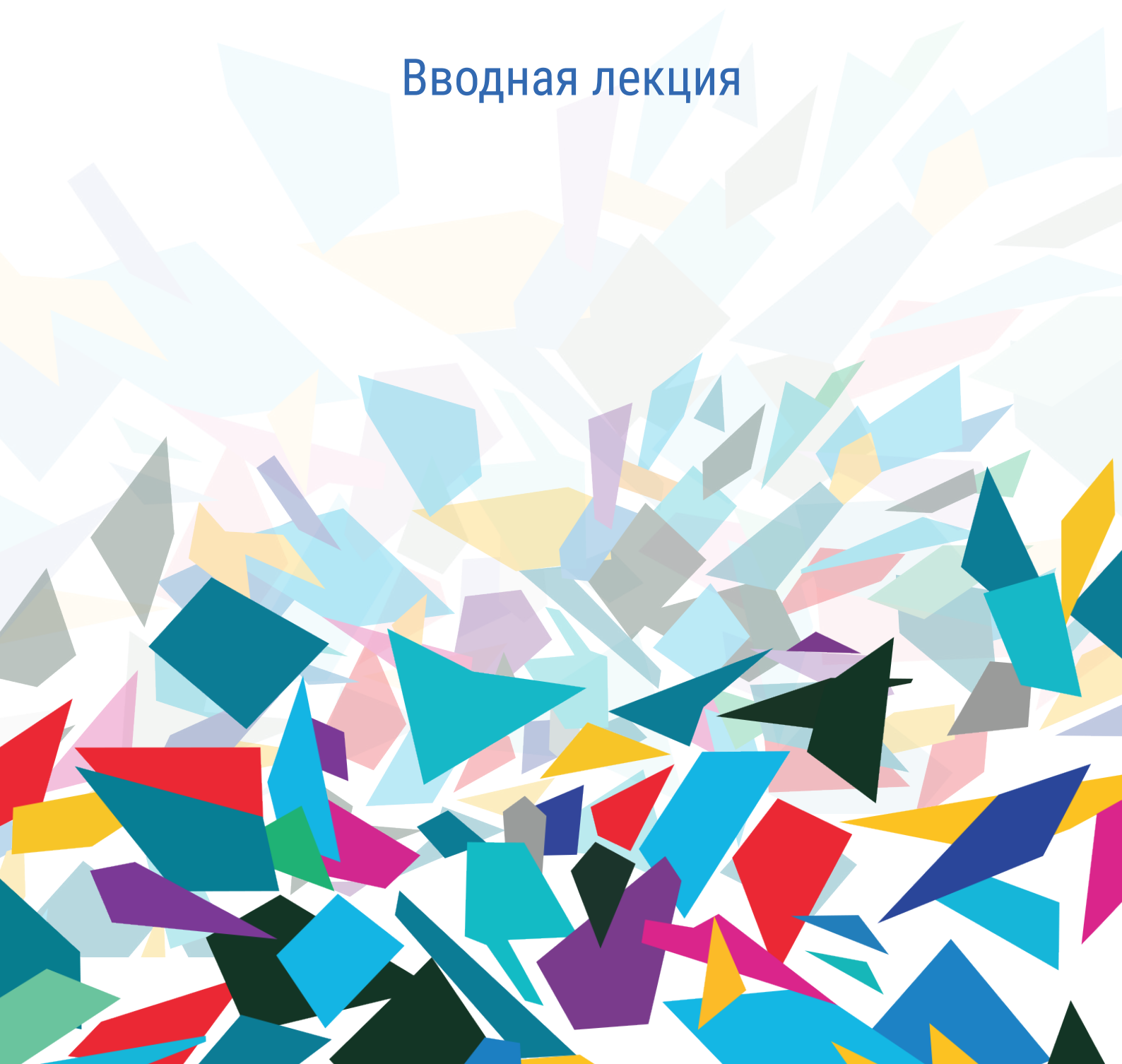
Лекция 1

ҚАЗАҚСТАННЫҢ
АШЫҚ
УНИВЕРСИТЕТІ

ИСТОРИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ

Вводная лекция

Добрый день!

Мы начинаем с вами цикл лекций с несколько парадоксальным названием: «История истории». Несколько позже мы затронем вопрос о том, что есть история как дисциплина и история как процесс, или восприятие времени, чтобы освободить название от налета кажущейся тавтологии.

Заметим, что вместе с авторами учебника мы можем несколько переиначить наименование курса, заменив «историю истории» «эволюцией историографии». Это звучит научно, однако, к сожалению, в таком виде наименование тоже по-своему проблематично. Слово «эволюция», особенно в массовом сознании, подразумевает последовательное движение, раскрытие скрытого потенциала, даже прогресс. Однако, мне бы не хотелось, чтобы мы начинали курс, уже находясь заложниками определенных конструкций, я бы сказал, «концептуальных предрассудков» – предрассудка о кумулятивной природе знания, его прогрессирующей особенности.

Слово «историография», отвечающее сути курса, на мой взгляд страдает тяжеловесностью и может быть непонятным слушателям. Кроме того, историография, к которой мы будем постоянно возвращаться, имеет также весьма специфичный, дисциплинарный смысл. И поэтому полностью не отражает широту предмета наших с вами изысканий.

Итак, пусть название курса так и останется парадоксальным. На протяжении этой и последующих лекций мы с вами поразмышляем над историей истории.

Leopold von Ranke.

Попытаемся обосновать предмет исследования – историю как дисциплину. В чем смысл изучения структур исторической дисциплины, стремящейся, как утверждает молва, сохранить и передать наиболее полную, якобы объективную картину того, что происходит с человечеством? Не следует ли нам просто следовать заповеди Леопольда фон Ранке, немецкого историка первой половины XIX столетия, и записывать историю «таковой, каковой она в действительности является».

Утверждение Ранке есть идеал, идеал устаревший, имеющий, на мой взгляд, лишь музейную ценность.

В невозможности и даже в нецелесообразности этого идеала и заключается обоснование нашего курса. Остановимся на этом чуть подробнее.

Во-первых, нам необходимо признать, что критерии «исторической достоверности» весьма специфичны и относительны. Они находятся в отношениях, зависимых от определения того, что считать историческим фактом, как мерить достоверность, какими историческими источниками мы располагаем и, конечно, какими методами исторического исследования мы пользуемся. Более того, каким бы беспристрастным и добросовестным ни пытался быть историк, он находится в плену как суждений того общества, частью которого он является, так и «субъективности» тех свидетельств и свидетелей, на которых он опирается, так и собственной субъективности. Поэтому, историческое знание и предлагаемый им образ прошлого всегда субъективны.

Во-вторых, субъективен и «исторический мир», изучаемый историками. Наши представления о том, что мы исследуем, претерпели существенные изменения. Если раньше «историческими» считались события из сферы политики, дипломатии или военного искусства, то теперь историческим считается и то, что оказывается за кулисами «общественного пространства» или взгляда – частная жизнь обычных, чаще всего безымянных людей.

Как дисциплина и практика история испытывает постоянное влияние других наук – гуманитарных, социальных и даже естественных, что и объясняет лабильность и широту исследуемого историками предмета, то есть «исторического» мира. Эта широта вполне оправданно вызывает сомнения исследователей в правомерности существования истории как самодостаточной научной дисциплины.

В-третьих, историческое знание никогда не было явлением только академического или интеллектуального характера. Она находится в теснейшей связи с актуальными общественными и политическими проблемами. Образ прошлого не только воссоздается, но и создается потомками, стремящимися, таким образом, обосновать свои поступки. В видение прошлого постоянно вкрадываются, а иногда и вторгаются анахронические и идеологические элементы.

В-четвертых, историческое знание неразрывно связано с социальной памятью. Как мы помним и что мы помним зависит от целого ряда факторов, что и обуславливает разнообразие типов памяти. Все они переплетаются друг с другом, создавая динамичный, зачастую внутренне непоследовательный,

конфликтный образ минувшего.

Итак, предмет нашего курса, по целому ряду обстоятельств далек от того, чтобы быть прозрачным и однозначным. История – это проблемный предмет, что и служит обоснованием необходимости погружения в него. Теперь же нам следует сказать пару слов о целях курса.

Во-первых, мне бы хотелось, чтобы вы почувствовали парадоксальную природу исторического знания, а именно – сочетание в нем объективности и условности.

Во-вторых, мне бы хотелось также осуществить деконструкцию понятия «объективной» или единственно «истинной картины прошлого», пробудив в вас чувство здорового скепсиса.

И в-третьих, показывая разнообразие, неоднородность и амбивалентность исторического знания, мне бы хотелось пролить свет на разнообразие, неоднородность и амбивалентность общественного восприятия. Одним словом, курс об Истории истории является также курсом просто истории – истории, в первую очередь, социальной, истории об обществах, создававших историческое знание.

Что же такое история?

Во многих европейских языках, в том числе и в русском языке, слово история имеет два значения. Во-первых, это повествование, рассказ, нередко о вымышленных событиях. Во-вторых, это совокупность человеческих деяний.

Последнее, в свою очередь, может подразумевать «стихийно формирующийся» образ прошлого, особенно когда речь идет о таком явлении, как историческая память.

Однако, когда разговор касается именно исторического знания, то построение прошлого приобретает аспект целенаправленности и критического осмысления. Источники, привлекаемые исследователями, не создают прошлое как таковое, а лишь указывают на отдельные его фрагменты, при этом часто непрямым способом. Прошлое, восстанавливаемое, или даже воссоздаваемое по источникам, теряет однозначный характер; оно представляется хрупким и многослойным одновременно, находящимся в самой тесной связи с настоящим моментом.

Несмотря на это, практически с момента возникновения осознанного интереса к прошлому, культурные сообщества людей обнаружили неоспоримую тягу к построению исторического повествования, в котором настоящее в полной мере обосновывалось единым прошлым.

Лишь с середины XX века распад прошлого на целый ряд допустимых «историй» начинает восприниматься не только как индикатор неполноты доступных источников, или как следствие несовершенных методов, но как неотъемлемая часть самого исторического опыта. Это принятие множественности истории снова ребром поставило вопросы как о существовании принимаемого долгое время прошлого, единого для всех, так и о возможности познания исследователями «истинного смысла» прошлого. Вопросы заставляют вернуться к самим механизмам приобретения, накопления и осмысления исторического знания – как и зачем люди «распознают» прошлое и передают его последующим поколениям?

Как уже было указано, история подразумевает существование исторической памяти. Для формирования последнего важны три обстоятельства:

- забвение прошлого;
- различные способы истолкования одних и тех же фактов и событий;
- открытие в прошлом тех явлений, интерес к которым вызван актуальными проблемами текущей жизни.

Чтобы помнить, сообщества должны сначала забыть. Причины забвения прошлого могут быть самые разные: отсутствие системы письменной фиксации событий, сознательное манипулирование общественным сознанием, катаклизмы, в том числе и естественные, что могли привести к исчезновению физических следов прошлого и к утрате связи с ним.

Что бы то ни было, забвение, являясь искажением, или даже исчезновением образа прошлого, заставляет общество вернуться к нему. Забвение ставит перед обществом проблему построения целостной, обладающей внутренней логикой картину событий. Без забвения, освобождающего пространство общественного сознания для появления цельных исторических повествований, вместо исторического знания было бы бессвязное и хаотичное скопление фактов.

Образ прошлого определяется не только теми сведениями, что сохранились в общественном сознании, но и тем значением, что общество придает им. Под «значением» могут подразумеваться собственное значение явления, значение, которое придают ему потомки; и значение, которое ему хотят навязать

отдельные люди или социальные группы.

Историческое событие может казаться современникам очень важным, так как оно вписывается в их общее представление о мире, отражает иерархию ценностей и т.д. Потомкам же, наоборот, оно может показаться второстепенным. Траектория «движения» истории им кажется яснее, хотя бы потому, что они сами ее во многом создают, очерчивая путь от своего настоящего к исследуемому прошлому.

В суждении о значимости тех или иных событий также важную роль играют текущие представления о том, как события взаимосвязаны друг с другом.

Таким образом, прошлое всегда проходит через фильтр общих ценностных суждений настоящего, его понимания причинно-следственных связей, его целостного самовосприятия. Образ прошлого – это всегда отражение наших текущих интересов.

В памяти остаются события, воспринимаемые обществом, как имеющие определенную значимость, и одновременно являющиеся достоверными. Достоверность же определяется по критериям, различающимся от культуры к культуре. Сколько не апеллируй к здравому смыслу, мы не можем просто механически отбросить как иррациональные и поэтому недостойные внимания средневековые сведения о чудесных явлениях, или же античные легенды о божественных основателях городов и государств. Вопрос различия критериев достоверности – это не вопрос преимущества одной культуры над другой, а вопрос разных типов исторического сознания, то есть разного восприятия того, чем является история и чему она служит.

Тем не менее, при всем разнообразии типов исторического сознания, различие между ними определяется двумя ключевыми факторами: во-первых, разными пропорциями эмоционального и рационального отношения к прошлому; во-вторых, степенью достоверности той картины, которая воссоздается на основе отдельных исторических свидетельств.

Так, эмоциональная составляющая в восприятии прошлого играет в массовом сознании куда большую роль, чем в академической среде. Для него характерны три особенности:

1. осовременивание прошлого,
2. ретроспективный взгляд на прошлое,
3. использование вымысла в целях реконструкции целостного образа.

Исторические фильмы дают наглядный пример всем вышеперечисленным характеристикам. Скажем, в «Храбром сердце» главный герой – Уильям Уоллес – говорит языком государственного национального суверенитета и демократических ценностей, понятных зрителю, но совершенно нелепых в средневековом контексте. Превращение Уоллеса в носителя либеральной, национальной и прочих идеологий подчеркивает непрерывность с настоящим моментом; можно сказать иначе, что фильм позволяет аудитории усмотреть ретроспективно корни современного им устройства. В этом смысле исторические фильмы не сильно отличаются от превалирующих в XIX веке исторических нарративов, что всю историю – ретроспективно – рассматривали сквозь призму становления наций и национальных государств. Франки VI и VII века становились, в первую очередь, прародителями французской государственности. Династия Гогенштауфенов виделась в рамках несчастливой борьбы за немецкое единение, войны Александра Невского с Тевтонским Орденом вписывались в русскую национальную повестку.

Все это приводит к однозначной, предвзятой, политически мотивированной трактовке прошлого, игнорирующего экстраординарную сложность человеческого опыта.

Историк, безусловно, должен сопротивляться подобному уплощению «исторического хода времени». Именно эта способность раскрыть многогранность прошлого говорит о степени профессиональной подготовки исследователя.

Но может ли историк быть полностью беспристрастным? Вопрос, на самом деле, риторический, так как историк находится в двойной зависимости от используемых им источников и от той интеллектуальной парадигмы, при помощи которой он стремится к прочтению материалов, унаследованных от непохожих на его настоящее эпох. Последние – интеллектуальные парадигмы – схемы и теории могут быть облачены в одеяния беспристрастности, однако и они отражают ценности и идеалы современности. Поэтому хочет он того или не хочет, но историк является выразителем определенных интересов и убеждений. Поэтому правильно говорить об историках, постоянно балансирующих на грани объективности и пристрастности.

Объективность является недостижимым идеалом, возможно даже идеалом необоснованным и не совсем нецелесообразным уже потому, что поле деятельности истории конституируется мириадами человеческих субъективностей.

В таком неоднозначном отношении к модели объективности скрывается отличие истории от

естественных, даже социальных наук.

При более близком рассмотрении становится понятным, что в отличие от других наук о человеке, история имеет дело с уникальными и неповторимыми событиями и должна заниматься конкретными явлениями из самых разных полей человеческой деятельности.

В этом можно усмотреть парадокс: универсальная по своей сути история, как правило, фокусируется на точечном, часто избегая при этом попыток создания крупных теоретических схем.

Здесь ярко проявляется контраст между историей и социологией, дисциплиной, стоящей, как многие считают, наиболее близко к истории. Их единит предмет исследования – человеческое общество в целом, однако зачастую разделяют цели. Если для социолога цель – обобщение представлений о структуре и закономерностях развития общества, то историка занимают различия между человеческими сообществами. Он ставит знак вопроса над идеей универсальности законов, что используют при описании изменения социальной динамики.

Это не значит, что в определении особенностей общества историк не прибегает к обобщающим концепциям и закономерностям. Наоборот, для того чтобы описать уникальность общества историк отталкивается от теоретических построений. Так, марксистское прочтение исторического развития позволяет историку увидеть социальные конфликты, даже если они не вписываются в парадигму классовой борьбы.

Концепты и теоретические построения предоставляют историку те инструменты, что позволяют описать и изучить реальность, подняв вопросы, что факты сами по себе не ставят и не разрешают. Ценность этих концептов заставляет современного историка постоянно обращаться к моделям и схемам, заимствованным из социологии, антропологии, экономики и психологии. К широте сферы исследования истории добавляется широта ее методологических подходов.

Исторический анализ не обходится без абстрактных моделей, призванных обобщить опыт социального развития. К этим моделям принадлежат, во-первых, концепции, трактующие закономерности организации общества; во-вторых, понятия, обозначающие общие для общества принципы и явления; в-третьих, сами методы познания обществ.

Итак, в первой лекции мы поговорили о неоднозначности понятия «история», о связи с исторической памятью и о ее ролях, что социальные теории играют в выстраивании исторических нарративов.

В нашей следующей лекции мы коснемся вопроса написания истории – с чем сталкивается историк и что он должен иметь в виду при создании текстов.